

СЕРИЯ «СИНДРОМ СВИДЕТЕЛЯ»

СИНДРОМ СВИДЕТЕЛЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

Алиса Верещагина

Алиса Верещагина

Синдром свидетеля. Книга 1

<https://litres.ru/74219303>

SelfPub; 2026

Аннотация

В актовом зале элитной гимназии «Меридиан» находят тело бывшего директора — сидящей в кресле первого ряда, лицом к экрану, с неестественно широко открытыми глазами. Судмедэксперт-антрополог Агния Воронова, для которой мёртвые куда понятнее живых, устанавливает: женщину заставили смотреть на что-то, прежде чем убить. Профайлер-консультант Марк Левин, чья эмпатия к преступникам стоит ему бессонных ночей, уверен — убийца не мстит за смерть, а мстит за молчание.

Чтобы остановить убийцу, нужно не только найти его, но и понять: каждое преступление — это искажённый крик о помощи, обращённый к тем, кто пятнадцать лет назад отвёл взгляд.

«Синдром свидетеля» — первая книга серии на стыке медицинского детектива, профайлинга и психологии травмы, где расследование убийства становится инструментом радикального прощения, а не оправданием зла.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Первый ряд	7
Глава 2. Человек, который слушает монстров	12
Глава 3. Тихие свидетели	17
Глава 4. Рокуроний	21
Глава 5. Юбилей	24
Глава 6. Зеркало	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алиса Верещагина

Синдром свидетеля. Книга 1

Предисловие

Блог «тихие_свидетели», запись без даты, закреплена наверху

Мёртвые молчат вежливее живых.

Это не метафора. Это наблюдение, сделанное человеком, который два года подряд ходит фотографировать места, где что-то закончилось. Зброшенная стройка, где нашли тело бездомного — никто не установил, кто. Гаражный кооператив, где сгорела женщина, забытая соседями настолько, что тревогу поднимали только по запаху. Мост, с которого. Просто мост, с которого.

Я не спрашиваю разрешения у пустоты. Пустота никогда не отводит взгляд, не поправляет причёску, не говорит «удали, я там некрасивая». Она стоит смирно, освещённая моей вспышкой, и позволяет себя рассматривать столько, сколько нужно.

Живые — другое дело. Живые дёргаются от камеры, как от боли. Живые лгут о том, что видели, чтобы не видеть этого

второй раз в памяти. Я узнала это задолго до того, как узнала слово «диссоциация» — просто по тому, как менялись лица людей, когда я поднимала телефон.

Меня зовут... не важно, как меня зовут. В блоге я никто, и это единственная причина, по которой он существует. Аноним фотографирует горе честнее, чем человек с именем. У имени есть репутация, у имени есть родители, которые читают комментарии. У анонима есть только объектив и совесть, которую можно уговорить чем угодно — например, тем, что красота трагедии кому-то нужна больше, чем покой мёртвых.

Я говорю себе: я документирую то, что общество предпочитает не замечать. Иногда я даже в это верю.

Полтора года я публикую фотографии тишины. Ржавые качели детской площадки, где перестали смеяться. Окно роддома, из которого выносят не тех, кого ждали. Актзовые залы старых школ, где пыль оседает на бархат кресел так, будто зал сам себя хоронит заживо, слой за слоем.

Я не знала, что однажды в одном из таких залов будет настоящее тело. Что тишина, которую я так любила снимать, окажется не метафорой отсутствия, а точным медицинским термином — асфиксия, паралич диафрагмы, шесть-девять минут полного сознания в неподвижном теле.

Я не знала, что мне придётся выбирать между кадром и человеком.

Я расскажу вам, что случилось той осенью в гимназии

«Меридиан» — не потому, что имею на это право, а потому, что кто-то должен произнести это вслух, а не расставить красиво в рамке.

Одно могу обещать заранее, забегая на много страниц вперёд: после этого дела я больше никогда не публиковала фотографию человека без его разрешения. Даже мёртвого. Особенно мёртвого.

Потому что выяснилось: они молчат вежливо не потому, что им всё равно. А потому, что их некому спросить.

Я решила спрашивать.

Глава 1. Первый ряд

Дежурный телефон зазвонил в четыре часа сорок минут, и Агния Воронова, как обычно, ответила на втором гудке — не потому что торопилась, а потому что первый гудок всегда тратила на то, чтобы окончательно проснуться и не перепутать со сна имя звонящего.

— Воронова, — сказала она.

— Гимназия «Меридиан», Черёмушки-на-Озере. Актёрский зал. Труп, — голос дежурного был таким же будничным, как её собственный. — Хвостов уже выехал.

— Пол, возраст.

— Женщина, по документам сторожа — директор гимназии, на пенсии. Свиридова Клавдия Орестовна.

Агния записала имя на внутренней стороне запястья шариковой ручкой — привычка с ординатуры, экономия секунд между сном и делом. Через двадцать минут она уже сидела в машине СК, глядя, как рассвет размазывается по лобовому стеклу тонкой синевой, той самой, что она позже назовёт про себя «цветом до вопросов».

Гимназия «Меридиан» оказалась крупнее, чем она ожидала от посёлка на две тысячи жителей: кирпичный корпус в неоклассическом духе, флигель интерната, отдельное здание спортзала, а за ним — тёмная кромка деревьев, за которыми, судя по карте, лежало озеро Лебяжье. На фасаде — растяну-

тый баннер: «30 лет школе, которая воспитывает лидеров», буквы уже слегка потрёпаны ветром.

Актальный зал встретил её холодом старого здания, не топлённого всю ночь, и запахом пыльного бархата. Свет здесь давали переносные лампы криминалистов — синеватый, безжалостный, тот самый свет, в котором Агния чувствовала себя дома лучше, чем где угодно.

Клавдия Орестовна Свиридова сидела в кресле первого ряда, лицом к экрану. Именно «сидела» — не «лежала», не «была обнаружена в позе». Спина прямая, руки на подлокотниках, голова чуть откинута, будто женщина устроилась удобнее перед долгим фильмом.

— Странно ровная поза, — сказал один из криминалистов, парень с растерянным лицом человека, впервые за смену не понимающего, что перед ним.

— Её расставили, — ответила Агния, не поднимая головы от чемоданчика.

Она присела на корточки перед креслом, надела перчатки, посмотрела в лицо покойной. Веки были приоткрыты — неправильно, неестественно широко, будто их держали силой. Роговица подсохла, помутнела неравномерно, с характерной складчатостью по краю.

— Термометрия ректальная плюс трупные пятна — смерть не менее десяти часов назад, — сказала она вслух, скорее для диктофона, чем для присутствующих. — Трупное окоченение полное, включая мелкие суставы. Пятна фикси-

рованные, не мигрируют при надавливании — значит, тело не перемещали после определённого момента.

Она раздвинула веки пальцами в перчатке — аккуратно, профессионально, без брезгливости, которая давно выгорела в ней вместе с способностью бояться мёртвых.

— Вот, — сказала она, обращаясь уже к своему помощнику. — Снимите крупным планом. Точечные вдавления по краю верхнего и нижнего века, симметрично. Это не от рук. Это от инструмента.

— Какого инструмента?

— Медицинского. Похоже на векорасширитель. Такими фиксируют глаз при офтальмологических операциях, чтобы он не закрывался во время манипуляции.

Она провела пальцем — не касаясь кожи, лишь обозначая линию — вдоль шеи Свиридовой, ища место инъекции, которое подсказывало ей нечто в самой неподвижности тела. Нашла: маленькая точка чуть выше воротника блузки, почти невидимая, без синяка, без воспаления.

— Ни следов борьбы, ни повреждений на руках, ни сломанных ногтей, — сказала она. — Она не сопротивлялась. Или не могла.

Кто-то из криминалистов присвистнул тихо — не от восторга, от неловкости, как бывает, когда при тебе произносят вслух то, что не хочется формулировать.

Агния выпрямилась и наконец подняла взгляд на экран, к которому была обращена мёртвая женщина. Старый ки-

ноаппарат в будке проекционной стоял включённым, лампа мигала мутным жёлтым светом — плёнка застыла на кадре, зажёванная механизмом на паузе. На экране — школьный праздник, судя по одежде и качеству записи, снятый лет пятнадцать назад: актовый зал, только этот же самый, полный детей в белых рубашках, транспарант «Меридиан — 15 лет» на заднем плане.

— Юбилей будет через неделю, — сказала за её спиной завуч, немолодая женщина в теплом пальто прямо на ночную рубашку, которую привезли из дома открыть дверь следствию. — Тридцать лет школе. Клавдия Орестовна руководила гимназией четырнадцать из них.

Агния кивнула, не оборачиваясь, и подошла ближе к экрану. Застывший кадр был зернистым, свет старого прожектора бил прямо в объектив камеры, оставляя на части изображения размытое световое пятно. Дети стояли шеренгой на сцене, кто-то улыбался, кто-то шурился. И в правом нижнем углу кадра, чуть в стороне от остальных, почти у самого края экрана — фигура ребёнка, чьё лицо утопало в этом самом световом пятне, размытая, безликая, лишённая всяких черт, как будто камера намеренно отвернулась от него в момент съёмки.

Агния замерла. Она не знала пока ни имени этого ребёнка, ни того, что через несколько дней это размытое пятно света станет для другого человека — девятнадцатилетней девушки с идеальной визуальной памятью — единственной ни-

точкой, ведущей назад, в лето пятнадцать лет назад.

Она знала только одно: этого мальчика в кадре, судя по документам школы о составе того выпуска, которые ей принесут завтра, — быть не должно. Он умер за два года до этого праздника.

Глава 2. Человек, который слушает монстров

Марк Левин узнал о теле раньше, чем должен был — по звонку Хвостова в пять пятнадцать утра, голосом человека, который уже понял, что дело будет не рядовым, и хочет, чтобы кто-то умный посмотрел на него до того, как все версии окостенеют в протоколах.

— Приезжай, — сказал Хвостов вместо приветствия. — И травку свою дома оставь, мне тут замы прокуратуры через два часа.

— Это не «травка», Дмитрий Петрович, это фитосбор для концентрации, — ответил Марк, уже натягивая ботинки одной рукой. — Продаётся в аптеке. Легально. Прямо как ваша совесть.

Хвостов хмыкнул в трубку — их обычная короткая переписка, за которой скрывалось то, чего Марк никогда не признавал вслух: следовательно не доверял профайлингу как методу, считал его «психологией для тех, кто не умеет собирать отпечатки», но лично, по-человечески, Марку доверял. Это доверие Марк ценил больше официального статуса консультанта.

Актный зал гимназии «Меридиан» встретил его синим светом переносных ламп и той особой тишиной, которая на-

ступает в помещении после того, как в нём случилось что-то, чего оно не может забыть. Марк остановился у входа, не заходя дальше порога — первое правило, которому его никто не учил специально, он вывел сам: пространство нужно прочесть до того, как в него надышат посторонние.

Кресла — старые, с потёртым бордовым бархатом, расставленные амфитеатром. Женщина в первом ряду, идеально прямая. Плёночный проектор со старой записью, замерший на кадре. Экран, обращённый к первому ряду и только к нему — весь остальной зал, по сути, оставался пуст, зрителей не подразумевал.

— Он не спешил, — сказал Марк вслух, обращаясь скорее к пространству, чем к кому-то конкретному.

— С чего вы взяли? — спросила Агния, не оборачиваясь от чемоданчика с реактивами. Она уже второй час работала с телом, и голос у неё был такой же ровный, как в первую минуту.

— Посадка. Векорасширители. Плёнка на паузе — это не случайность, кто-то специально держал кадр статичным, значит, вручную остановил механизм, а не просто дал плёнке кончиться. Это постановка, а не убийство в состоянии аффекта.

— Меня интересуют ткани, а не постановка, — сказала Агния, наконец поднимая на него взгляд. Первый раз за это утро они посмотрели друг на друга напрямую — она сквозь очки в тонкой оправе, он сквозь усталость трёх часов сна.

— У неё точечная метка инъекции на шее, ожог роговицы от инструмента и полное отсутствие следов сопротивления. Это медицинский факт. Ваши слова про «не спешил» — это интерпретация.

— Интерпретация — это то, что превращает факты в мотив, — ответил Марк без раздражения, скорее с интересом, как учёный, нашедший забавный образец. — Вы читаете тело. Я читаю комнату. Разные языки, один труп.

Он обошёл кресла по периметру, не касаясь ничего, глядя не на тело — на всё остальное. Первый ряд, лучшее место в зале. Он присел на соседнее кресло, глянул на угол обзора экрана оттуда, где сидела покойная.

— Он посадил её на лучшее место, — сказал он тихо, будто сам себе. — Не в углу, не у выхода — в центре первого ряда. Он хотел, чтобы она видела экран максимально хорошо. Это не наказание случайного человека. Это — принуждение к просмотру.

Агния на секунду замерла с пинцетом в руке. Она не сказала ничего, но записала фразу в блокнот — привычка фиксировать даже то, с чем пока не согласна.

— Заставляет смотреть, — повторил Марк, теперь увереннее. — Не убивает за что-то. Заставляет увидеть что-то. Вот в чём разница.

Хвостов, до этого молча курировавший работу криминалистов у входа, подошёл ближе, сунув руки в карманы плаща.

— Красиво звучит, Левин. А работать с этим как?

— Работать с этим — искать, что именно на этой плёнке она не хотела видеть пятнадцать лет назад, — ответил Марк, кивнув в сторону застывшего кадра с детьми в белых рубашках. — Потому что судя по датам на баннере, эта запись старше юбилея вдвое.

Хвостов промолчал, но что-то в его лице изменилось — короткая тень сомнения, первая трещина в его обычном скепсисе.

Домой Марк вернулся к обеду, полностью выжатый — не физически, эмоционально. Он никому не признавался в том, что после таких мест ему требуется методичная перезагрузка, иначе к вечеру начинает мутить голову, мысли скользят по краю той спирали, куда он себе заходить запретил лет пять назад. Он сел в кресло у окна, приклеил электроды ЭЭГ-биофидбека на лоб и виски, включил приложение, наблюдая за кривой альфа-ритма на экране планшета, дыша медленно, считая на четыре внутри и на шесть наружу.

«Я умею разговаривать с монстрами, потому что один из них живёт во мне», — подумал он привычной, давно обкатанной фразой, глядя, как кривая на экране медленно выравнивается. Мысль пришла как обычно — без продолжения, без деталей, дверь, которую он держал закрытой годами, слегка скрипнула и снова затихла.

Он почти заснул в кресле, когда зазвонил телефон. Хвостов, голос звучал иначе — без обычной иронии.

— Левин. Токсикология готова раньше графика. Слушай

сюда, — он выдержал паузу, будто самому не верилось в то, что он сейчас скажет. — Она была жива. Всё время, пока стояла камера — она была живой и в полном сознании.

Глава 3. Тихие свидетели

Соню Зимину прислали в гимназию «Меридиан» официально — как штатного фотографа Следственного комитета, с бейджиком, с папкой поручений, с чётким списком того, что нужно снять: общий план зала, крупные планы кресла, экран, входы-выходы. Всё то, что она умела делать профессионально, спокойно, без лишних эмоций.

Она узнала зал в тот момент, когда переступила порог, и внутри у неё что-то оборвалось так резко, что пришлось сделать вид, будто она поправляет ремень камеры.

Этот же самый зал она фотографировала два года назад. Тайком, ночью, через окно подсобки, которое кто-то из старшеклассников когда-то показал ей за пятьсот рублей. Тогда зал был просто красивой заброшенной декорацией — пыльный бархат, остывший свет, идеальный кадр для блога «тихие_свидетели». Она выложила тогда три фотографии с подписью «здесь тридцать лет назад пели гимн школе, а сегодня здесь живёт только эхо». Пост набрал одиннадцать тысяч лайков.

Теперь в этом же кадре сидело настоящее тело.

Соня сделала первый снимок дальним планом, руки у неё не дрожали — привычка держать камеру ровно даже когда внутри всё трясётся, она натренировала за два года блога. Она обошла зал по периметру, снимая по списку: кресла,

экран, старый проектор.

У сцены она заметила то, что пропустили все.

Реквизит для юбилейного концерта был свален у левой кулисы — картонные силуэты цветов, пустые манекены в костюмах для номера. Один манекен, женский, безрукий, стоял с приколотой к запястью перчаткой — реквизиторской, бутафорской, для сцены с балом в честь тридцатилетия. На указательном пальце этой перчатки — там, где не должно быть вообще ничего, — Соня разглядела через объектив с зумом крошечный след лака. Тёмно-бордовый, с блёстками, старомодного оттенка, какого не было ни в одном из современных наборов реквизита — она узнала бы, она снимала гримёрку месяц назад для другого поста.

Она сфотографировала перчатку крупным планом — для протокола, честно, — но потом, поколебавшись секунду, сделала ещё один снимок на свой личный телефон. Старая привычка коллекционировать красивую жуть боролась в ней с чем-то новым, тревожным, чему она пока не подобрала название.

— У вас портьера неправильно закрыта, — сказала она вслух, обращаясь к судмедэксперту, которую видела впервые — молодая женщина в мешковатом хирургическом костюме, спокойная до странности.

Агния подняла голову.

— Что?

— Портьера слева от сцены. Она закрыта не на тот крю-

чок, видите? — Соня показала на ткань, чуть перекошенную у нижнего края. — Такую портьеру специально вешают крючком номер два, а не номер один, чтобы не провисала под собственным весом. Кто-то её снимал и вешал обратно второпях. Или не второпях, но неправильно.

Агния несколько секунд смотрела на портьеру, потом на Соню — с тем самым выражением, которое у неё появлялось, когда она находила деталь, вписывающуюся в общую картину быстрее, чем ожидала.

— Как вас зовут?

— Соня. Зимина. Фотограф.

— У вас хороший глаз, Зимина, — сказала Агния без улыбки, но и без насмешки, вполне искренне, и вернулась к своему чемоданчику.

Соня отошла к выходу из зала, чтобы перезарядить карту памяти, и почти столкнулась с молодым человеком, тащившим стопку картонных папок — судя по бейджику волонтера, студент, помогающий следствию с архивом гимназии.

— Осторожно, — сказал он, останавливаясь. Среднего роста, худой, с тёмными кругами под глазами, в свитере на два размера больше нужного.

— Извините, — сказала Соня, машинально отступая. Она узнала его не сразу — а потом вдруг узнала, по глазам, по тому, как он на секунду задержал взгляд, прежде чем отвести его.

— Вы «тихие_свидетели», — сказал он тихо, почти

неслышно, будто произносил что-то запрещённое. — Я читаю вас с самого начала. С поста про качели.

Соня замерла. Никто, кроме неё самой, не должен был это знать.

— Вы ошиблись, — сказала она автоматически, хотя внутри уже понимала, что отпираться бесполезно — по её лицу, по тому, как она сжала камеру, было слишком очевидно.

— Не ошибся, — он не улыбнулся, но что-то мягкое появилось в его лице, что-то похожее на облегчение. — Я Лёша. Помогаю с архивом. Не скажу никому, если вы про это.

Они простояли так несколько секунд — она, привыкшая, что её узнают через фильтр анонимности, растерянная от того, что кто-то видит её саму, а не блог; он, привыкший молчать о том, что знает, растерянный от того, что сказал вслух хоть что-то.

— Этот зал, — сказала она наконец, чтобы не молчать, — я снимала его два года назад. Для себя.

Лёша посмотрел на неё внимательнее — не с осуждением, с чем-то другим, тяжёлым, взрослым не по годам.

— Это не первый раз, — сказал он тихо, — когда в этом зале кто-то видит то, что не должен.

— Что это значит?

Он не ответил. Перехватил папки удобнее и пошёл дальше по коридору, оставив Соню стоять с камерой в руках и ощущением, что она только что коснулась чего-то намного большего, чем реквизиторская перчатка с чужим лаком.

Глава 4. Рокуроний

Токсикологический отчёт лежал перед Агнией на столе прозекторской, и она читала его третий раз — не потому что не поняла, а потому что хотела убедиться, что не ошиблась в интерпретации редкости препарата.

— Рокурония бромид, — сказала она вслух, когда Хвостов и Марк вошли в лабораторию. — Найден в стекловидном теле глаза. Кровь на этот момент уже разложилась, стекловидное тело — стандартный резервуар для посмертной токсикологии, оно консервирует вещества дольше.

— Переведите на человеческий, — попросил Хвостов, садясь напротив.

— Рокуроний — недеполяризующий миорелаксант. Используется в анестезиологии, чтобы парализовать мышцы пациента во время операции, когда нужна полная неподвижность. Он не обезболивает. Не отключает сознание. Он просто выключает возможность двигаться. Включая дыхательную мускулатуру.

Марк, до этого молча стоявший у двери, подошёл ближе.

— То есть она не могла дышать сама.

— Диафрагма — мышца. Рокуроний парализует и её. Без искусственной вентиляции легких смерть наступает от асфиксии. По литературным данным и по картине трупных изменений здесь — в среднем через шесть-девять минут.

— Шесть-девять минут в полном сознании, — повторил Марк медленно, будто пробуя фразу на вес. — Она видела зал. Слышала звуки. Понимала, что происходит. И не могла даже зажмуриться — из-за векорасширителей.

— Именно, — сказала Агния.

— Это не убийство сгоряча, — Марк заходил по лаборатории, как обычно, когда мысль складывалась быстрее, чем он успевал её произносить. — Это ритуал завершения. Он хотел, чтобы она досмотрела до конца. Не отвернулась, не зажмурилась, не отключилась. До последней секунды сознания.

Хвостов потёр лицо ладонью.

— Где вообще берут такой препарат?

— Ограниченный доступ, — ответила Агния. — Анестезиология в стационарах, реже — хосписы паллиативной помощи, для седации в терминальных случаях. Теоретически — ветеринария, но там дозировки и формы выпуска другие. Нужен либо медицинский диплом с допуском, либо связи в больничной или хосписной среде со слабым учётом.

— Значит, ищем человека с медицинским образованием, — сказал Хвостов.

— Или доступом к тому, у кого оно есть, — уточнил Марк.

Агния молчала, глядя на свою собственную распечатку с описанием механизма смерти. Она поймала себя на мысли, которая была ей непривычна — раньше она видела тело как

объект, как источник данных, как систему тканей, рассказывающую историю через некроз и трупные пятна. Сейчас, второй раз за сутки, ей представилась не Свиридова-объект, а Свиридова-человек, которому не разрешили закрыть глаза. Мысль была неприятной, тревожной именно своей непрофессиональностью — она не привыкла испытывать что-то помимо клинического интереса на месте преступления, и сама эта смена оптики царапнула её сильнее, чем сам факт убийства.

— Что-то не так? — спросил Марк, заметив, как она замерла.

— Нет, — ответила она быстро, слишком быстро для себя самой, и вернулась к отчёту.

Хвостов, не заметив этой микроскопической паузы, встал и вышел за телефон, вернулся через минуту с новым выражением лица — смесью раздражения и азарта, которую Марк научился считывать за месяцы совместной работы.

— Архивариус гимназии прислал список персонала, — сказал он, кладя папку на стол. — Сорок семь человек в штате. Проверили документы у всех, кроме одного — нанят год назад по рекомендации, без диплома о полном профильном образовании. Техник, звукооператор актового зала.

— Имя? — спросила Агния.

Хвостов раскрыл папку, провёл пальцем по строке.

— Игорь Плетнёв.

Глава 5. Юбилей

Кабинет директора гимназии «Меридиан» пах свежим кофе и туалетной водой — ароматом, который Марк уже мысленно отнёс к категории «пахнет так, когда очень хочет казаться спокойным». Новый директор, Аркадий Феликсович Стеблов, занимал должность всего два года — после Свиридовой, как выяснилось, а теперь стал директором, чья предшественница лежала на столе патологоанатома.

— Понимаете, — говорил он, разворачивая перед Хвостовым и Марком глянцевую папку с макетом юбилейного альбома, — тридцать лет для гимназии такого уровня — это не просто дата. Это подтверждение репутации. У нас попечительский совет, крупные спонсоры. Матвей Львович Роговцев, например, — он сам заканчивал «Меридиан», теперь возглавляет благотворительный фонд, вкладывает в новое крыло интерната.

— Роговцев учился здесь пятнадцать лет назад? — уточнил Марк, не поднимая взгляда от собственных заметок, но внутренне насторожившись — цифра «пятнадцать» уже второй раз всплывала за два дня, и совпадения такого рода Марк не любил.

— Да, он из того самого выпуска, который... — Стеблов замялся, взял чашку кофе, хотя не собирался пить. — Из выпуска, где случилась та трагедия. Несчастный случай на

озере. Ученик утонул на тренинге командообразования.

— Расскажите об этом подробнее, — попросил Марк спокойно, специально не форсируя интонацию.

— Там нечего рассказывать. Дело закрыли в течение недели, официальная версия — несчастный случай, никто не виноват, — Стеблов произнёс это слишком быстро, слишком гладко, как заученную фразу, которую произносил уже много раз для разных людей. — Это было до меня. Я тогда даже не работал в системе образования.

— Но вы знаете детали, — заметил Марк.

— Знаю то, что все знают. Легенда школы, к сожалению, трагическая. Мы стараемся не поднимать эту тему в юбилейных материалах — прошло много времени, семьи заинтересованных сторон просили не тревожить память.

Марк отметил про себя формулировку «семьи заинтересованных сторон» — обтекаемую, юридически стерильную, словно её произносил не директор школы, а адвокат. Он посмотрел на Хвостова — тот тоже уловил интонацию, чуть заметно кивнул.

— Как звали погибшего ученика? — спросил Марк напрямую.

Стеблов помедлил, прежде чем ответить, будто взвешивая, стоит ли называть имя вообще.

— Тимофей Рудин, если не ошибаюсь. Простите, я действительно очень мало знаю — это было до моего назначения, и, честно говоря, я не считаю уместным ворошить это

перед юбилеем. У нас сейчас другая трагедия, требующая внимания следствия.

— Согласен, — сказал Марк с интонацией, которая ничего не обещала. — Просто хочу понять, не связаны ли эти две трагедии.

Стеблов издал короткий смех, неубедительный.

— Что может связывать несчастный случай пятнадцатилетней давности с... с этим?

Марк не ответил, лишь сделал пометку в блокноте. Выходя из кабинета, он чувствовал знакомое ощущение — то самое, которое приходило к нему всегда, когда собеседник давал слишком много правильных слов и слишком мало настоящих эмоций. Страх избегания, не страх разоблачения. Директор боялся не того, что его заподозрят, а того, что придётся признать: школа пятнадцать лет старательно не вспоминала мальчика, который в ней умер.

— Он не убийца, — сказал Марк Хвостову, когда они вышли на школьный двор, где ветер трепал баннер с надписью про тридцать лет лидерства.

— С чего вдруг такая уверенность?

— Профиль не совпадает. Наш убийца — методичный, терпеливый, готовый ждать годами, готовый рисковать разоблачением ради того, чтобы жертва посмотрела на экран. Это тип мстительный, требующий признания факта. Стеблов — тип избегающий. Он боится последствий, а не жаждет их. Он даже сейчас, рассказывая про Роговцева, боялся не того,

что его подставят, а того, что придётся признать: гимназия построила репутацию на молчании о мёртвом ребёнке.

Хвостов кивнул медленно, обдумывая.

— Значит, ищем кого-то, у кого личная связь с этим утоплением. Не директора. Кого-то другого.

— Медицинская подготовка, знание интерьера зала на уровне персонала, доступ к архивам школы или к личным вещам погибшего, — Марк перечислял, глядя на озеро за деревьями, серую полосу воды, едва видную отсюда. — Историческая несправедливость как мотив. Он не просто помнит Тима Рудина. Он живёт этим.

Вечером Хвостов позвонил снова — на этот раз без всякой иронии в голосе, только сухая констатация факта, которая заставила Марка отложить чашку чая и выпрямиться в кресле.

— Нашли дело, — сказал следователь. — Об утоплении ученика Тимофея Рудина пятнадцать лет назад. Официально — несчастный случай на тренинге доверия у озера Лебяжьего. Дело закрыто за одну неделю. Ни одного допроса свидетелей больше двух страниц. Ни одной экспертизы, кроме констатации смерти от асфиксии в результате утопления.

— За одну неделю, — повторил Марк, чувствуя, как в груди что-то сжимается — не страх, скорее узнавание паттерна, который он видел слишком часто: систему, торопящуюся забыть неудобную смерть.

— Похоже, кто-то очень хотел, чтобы дело закрыли быст-

ро, — сказал Хвостов.

— Или очень многие хотели, — ответил Марк. — Это разница между заговором и коллективным молчанием. И мне кажется, мы имеем дело со вторым — а это страшнее, потому что там нет одного виновного. Там виновны все понемногу.

Глава 6. Зеркало

Агния приехала в «Меридиан» одна, без криминалистов, для повторного осмотра зала — формально, чтобы уточнить траекторию распыления частиц с пола перед сценой, на деле — потому что после разговора с Марком о механизме смерти ей нужно было увидеть пространство ещё раз, вживую, без спешки первого дня.

Она прошла через главный холл гимназии, где на стене висели портреты выпускников — золочёные рамки, лица разных лет, от чёрно-белых семидесятых до цветных двухтысячных. Она остановилась перед одним рядом почти против своей воли.

Класс, окончивший школу с отличием пятнадцать лет назад — рамка чуть темнее остальных, будто её реже вытирали. Лица подростков, серьёзные, натренированные на «правильную» улыбку для официального снимка. Она узнала в этом взгляде что-то знакомое — не лица, а выражение. То самое, которое она видела на собственных школьных фотографиях, присланных родителями много лет назад: ребёнок, который улыбается не потому, что рад, а потому что знает: сейчас будут оценивать снимок так же, как оценивают оценки.

Она вспомнила свою собственную гимназию в Мюнхене — элитную, полный пансион, где училась экстерном, сдавая экзамены на год раньше сверстников, потому что родители,

оба хирурги, считали нормальную скорость обучения «недостаточной для их фамилии». Она вспомнила, как отец однажды взглянул на табель с одной четвёркой по литературе и сказал: «Мы не воспитываем читателей. Мы воспитываем тех, кто спасает жизни». Мать в тот вечер не сказала ничего вообще — просто вышла из комнаты.

Стоя перед портретами чужих выпускников, Агния почувствовала холод — не метафорический, физический, вдоль предплечий, там, где кожа обычно ничего не чувствует, кроме перчаток и хлороформа. Она удивилась этому ощущению настолько, что машинально потёрла руки, как будто проверяя, не открыто ли где-то окно. Окон рядом не было.

«Это тревожно», — подумала она про себя сухо, клинически, как ставила бы диагноз пациенту. Алекситимия, которую она носила как вторую кожу, впервые за долгое время дала трещину — не эмоциональную вспышку, нет, просто телесный сигнал, который она не могла сразу расшифровать и от этого испугалась чуть сильнее, чем от самого тела в актовом зале.

В архиве гимназии, куда её направили за документами по делу, ей выдали тонкую картонную папку с личным делом Тимофея Рудина. Фотография на документе — мальчик лет пятнадцати, серьёзный взгляд, аккуратный пробор, идеальная осанка. Характеристика классного руководителя, написанная сухим канцелярским языком: «Учащийся Рудин Т. Л. проявляет высокие академические способности, замкнут,

контакт со сверстниками ограничен, друзей в классе не имеет. Перспективен в отношении дальнейшего поступления в профильные вузы».

Агния прочитала это дважды. Отличная успеваемость. Ни одного друга. Слово «перспективен», использованное так, будто ребёнок был инвестиционным портфелем, а не человеком.

— Это ваше дело, ищите что-то конкретное? — спросила завхоз, пожилая женщина в тёплом платке, которая пришла принести ключи от подсобки рядом с архивом.

— Дело Тимофея Рудина, — ответила Агния, поднимая взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.